

ПОДМОСКОВНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Историко-краеведческий
альманах

3(41)2014

14

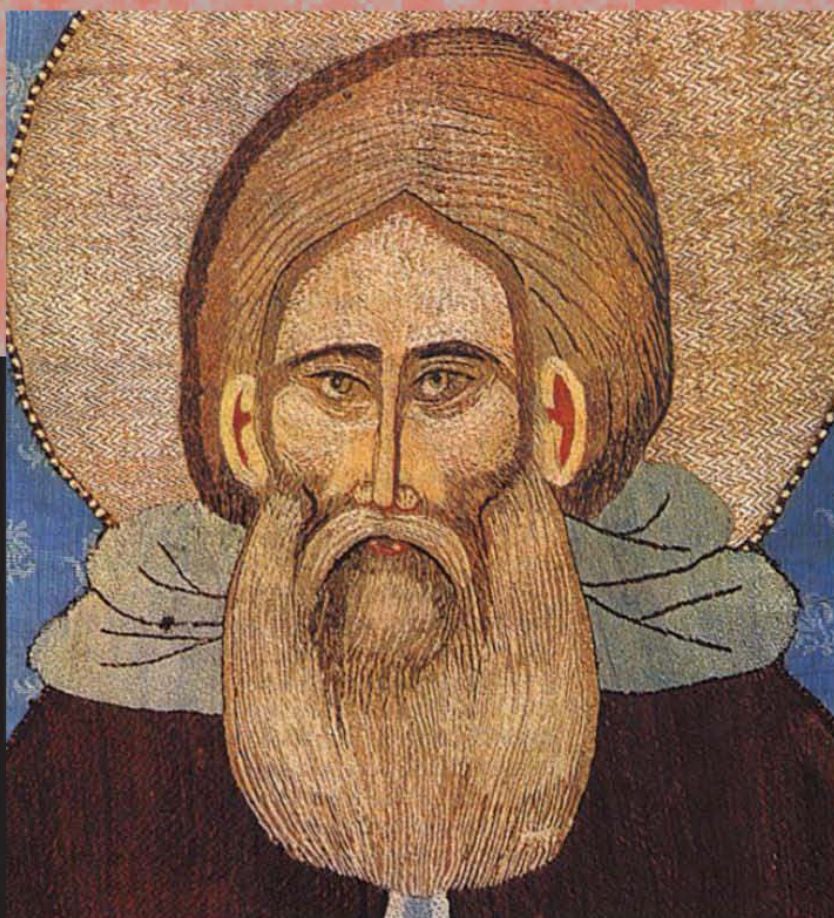
«Старец
пречюдный
и предобрый»

26

Древнейший
покров
на гробницу
преподобного

36

Власть и Святыня в 1919 году

700-летие преподобного
Сергия Радонежского

ПОДМОСКОВНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Историко-краеведческий
альманах

3(41)2014

Выходит один раз в квартал. Распространяется в розницу и по подписке.
Индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 11256

Издатель

Государственное автономное учреждение Московской области «Издательство «Подмосковье»»

Выпускается при содействии Главного управления по информационной политике Московской области

Редакционный совет

Н.С. Ватник

Кандидат исторических наук, доцент Московского социально-гуманитарного института

В.Н. Захаров

Доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Института истории РАН

В.Ф. Козлов

Кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета, председатель Союза краеведов России

Е.В. Куценко

Заместитель министра культуры Московской области, заслуженный работник культуры Российской Федерации

А.А. Шаблин

Кандидат исторических наук, доцент Московского социально-гуманитарного института, председатель Луховицкого краеведческого общества

С.Ю. Шокарев

Кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета

Н.А. Чернышова

Председатель Союза журналистов Подмосковья, главный редактор ГАУ МО «Издательство «Подмосковье»»

Главный редактор С.Ю. Шокарев

Ответственный секретарь Н.В. Рыбалко

Дизайн и верстка А.М. Игитханян, Б.Г. Аразян

Редакция журнала благодарит Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник за предоставление материалов, использованных в качестве иллюстраций

На 1-й странице обложки воспроизведён фрагмент покрывала с изображением Сергия Радонежского. 20-е годы XV в. (?). Сергиево-Посадский музей-заповедник.

На 4-й странице обложки — фотографии К. Агеевой и С. Шокарева

Адрес издателя и редакции: 141400, Московская обл., г. Подольск, Революционный пр-т, 80/42
Тел/Факс 8 (496) 769-97-22, 8 (499) 259-57-48
E-mail: pletopisec@yandex. ru
<http://i-podmoskovie.ru>

Рекламное агентство «Межрегиональные Медиа»
Тел. 8 (495) 660-22-17

Номер отпечатан в ОАО «Подольская фабрика офсетной печати». Подольск, Революционный проспект, 80/42

Подписан в печать 26.08.2014 г.

Заказ № 15059. Тираж 7500 экз.

Формат 60х90/8. Объём 12 а. л.

По вопросам распространения обращаться по тел.: 8 (499) 259-57-48

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС1-51015 от 14.03.2006 г.

Журнал можно приобрести в Москве, в книжных магазинах:

Галерея книги «Нина» — ул. Волхонка, 18/2;

Книжный магазин «Русское Зарубежье» —

ул. Нижняя Радищевская, 2;

Книжный магазин «Русская деревня» — Глинцевский переулок, 6;

а также в редакции - ул. 1-я Магистральная, 16.

При перепечатке, а также использовании в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал «Подмосковный летописец» обязательна.

© «Подмосковный летописец», 2014

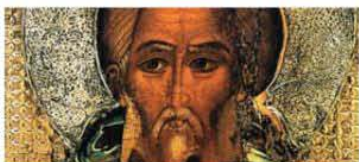
Содержание

Юбилей

2

Василий Ключевский

Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства

Преподобный
Сергий Радонежский
Фрагмент иконы. Середина XVI в.

14

Андрей Топычканов, Сергей Шокарев

«Старец пречюдный и предобрый»: к 700-летию преподобного Сергия Радонежского

26

Галина Черкашина

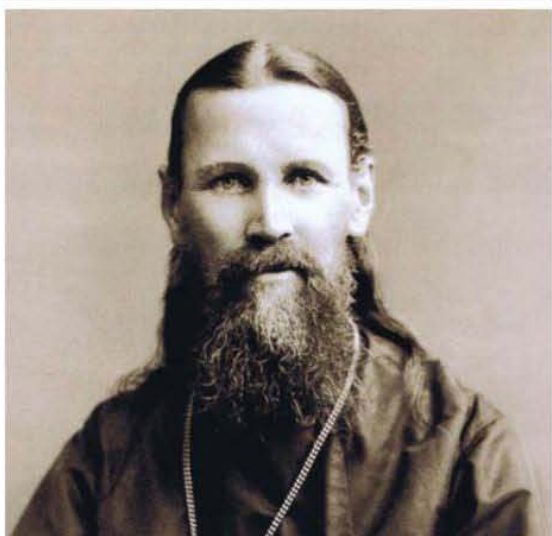
Древнейший покров на гробницу преподобного Сергия Радонежского

36

Маргарита Гаганова

Власть и Святые: вскрытие мощей преподобного Сергия Радонежского 11 апреля 1919 года

Святые

Преподобный
Иоанн Кронштадтский
Фотография

48

Светлана Архипова

Отец Иоанн Кронштадтский на Клинской земле

Олег

Рязанский

Пластическая реконструкция Т.С. Балуевой и Е.В. Веселовской

Малоизвестное

54

Александр Ермаков

«О побиении москвич от рязанцев...»

Битва под Перевитском — забытый триумф Олега Рязанского

Святые

60

Виктор Шилов

По благословию игумена всея Руси: к 640-летию серпуховского Высоцкого монастыря

Юбилей

76

Сергей Трубачёв, Мария Трубачёва

Под крылом преподобного Сергия.

О жизни священника Павла Флоренского в городе преподобного Сергия

88

О Фонде науки и православной культуры священника Павла Флоренского

Поиски. Открытия. Находки

92

Татьяна Смирнова

Портрет графа Ю.А. Олсуфьева

96

Книги. Новинки

Преподобный Сергей Радонежский
Икона. Середина XVI века.
Ризница Троице-Сергиевой лавры

Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства

Василий Ключевский

Когда вместе с разнообразной, набожно крестящейся народной волной вступаешь в ворота Сергиевой Лавры, иногда думаешь: почему в этой обители нет и не было особого наблюдателя, подобного древнерусскому летописцу, который спокойным неизменным взглядом наблюдал и ровной бесстрастной рукой записывал, «еже содеяся в Русской земле», и делал это одинаково из года в год, из века в век, как будто это был один и тот же человек, не умиравший целые столетия? Такой бессменный и не умирающий наблюдатель рассказал бы, какие люди приходили в течение 500 лет поклониться гробу преподобного Сергия и с какими помыслами и чувствами возвращались отсюда во все концы Русской земли. Между прочим, он объяснил бы нам, как это случилось, что состав общества, непрерывною волной притекавшего ко гробу преподобного, в течение пяти веков оставался неизменным. Ещё при жизни преподобного, как рассказывает его жизнеописатель-современник, многое множество приходило к нему из различных стран и городов, и в числе приходивших были и иноки, и князья, и вельможи, и простые люди, «на селе живущие». И в наши дни люди всех классов русского общества притекают к гробу преподобного со своими думами, мольбами и упованиями, государственные деятели приходят в трудные переломы народной жизни, простые люди в печальные или радостные минуты своего частного существования. И этот приток не изменился в течение веков, несмотря на неоднократные и глубокие перемены в строе и настроении русского общества: старые понятия иссякали, новые пробивались или наплывали, а чувства и верования, которые влекли сюда людей со всех концов Русской земли, быют до сих пор тем же свежим ключом, как били в XIV в. Если бы возможно было воспроизвести писание, всё, что соединилось с памятью преподобного, что в эти 500 лет было молчаливо передумано и пережито пред его гробом миллионами умов и сердец, это писание было бы полной глубокой поддержкой историей нашей всенародной политической и нравственной жизни.

Святой Сергий
Радонежский
Художник
М.В. Нестеров.
1891–1899 гг.

Впрочем, если преп. Сергий доселе остаётся для приходящих к нему тем же, чем был для них при своей жизни, то и теперь на их лицах можно прочитать то же, что прочитал бы монастырский наблюдатель на лицах своих современников 400 или 500 лет назад. Достаточно взглянуть на первые встречные лица из многого множества в эти дни здесь теснящегося, чтобы понять, во имя чего поднялись со своих мест эти десятки тысяч, а сотни других мысленно следовали за ними. Да и каждый из нас в своей собственной душе найдёт то же общее чувство, стоя у гробницы преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уже пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в капле чистой воды. Спросите любого из этих простых людей, с посохом и котомкой пришедших сюда издалека: когда жил преподобный Сергий и что сделал для Руси XIV века, чем он был для своего времени? И редкий из них даст вам удовлетворительный ответ; но на вопрос, что он есть для них, далёких потомков людей XIV века, и зачем они теперь пришли к нему; каждый ответит твёрдо и вразумительно.

Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время, делавшие исторически известное жизненное дело, но имена, которые уже утратили хронологическое значение, выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своим благотворным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало всё временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом. Такие люди становятся для грядущих поколений не просто великими покойниками, а вечными их спутниками, даже путеводителями, и целые века благоговейно твердят их дорогие имена не столько для того, чтобы благодарно почитать их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного. Таково имя преподобного Сергия; это не только назидательная, отрадная страница нашей истории, но и светлая черта нашего нравственного народного содержания.

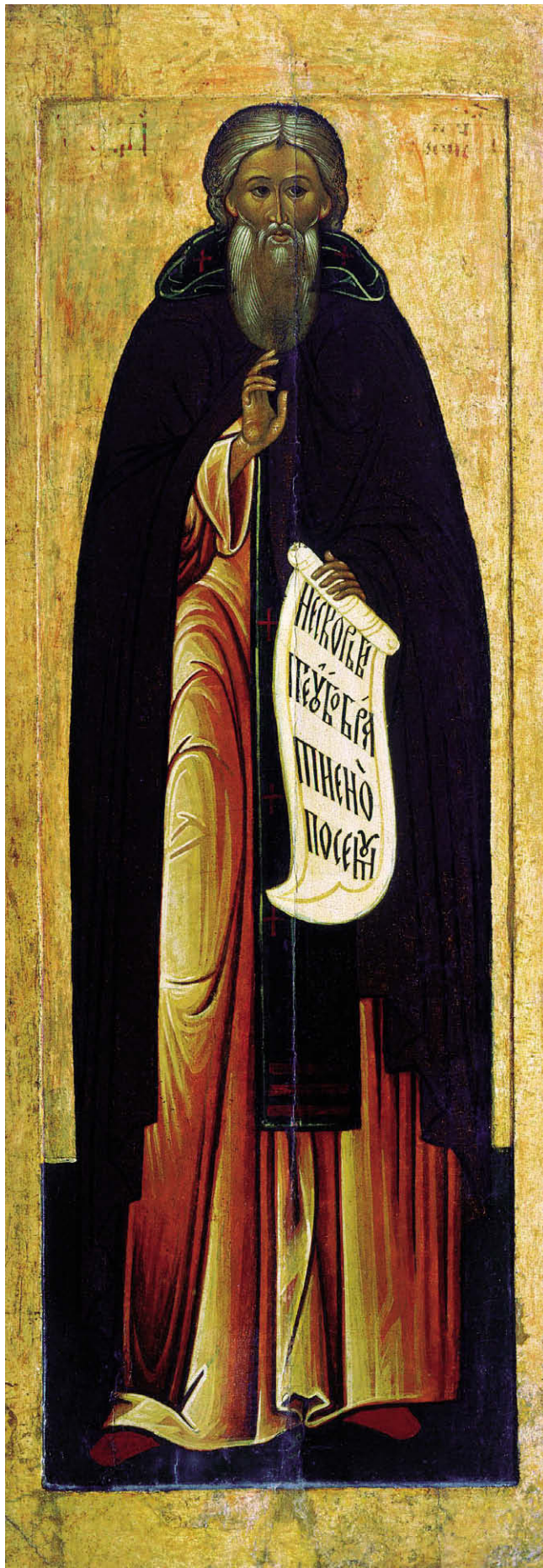
**Видение отроку
Варфоломею**
Художник
М.В. Нестеров.
1889–1890 гг.

Какой подвиг так освятил это имя? Надо-бно припомнить время, когда подвизался пре-подобный. Он родился, когда вымирали по-следние старики, увидевшие свет около вре-мени татарского разгрома Русской земли и когда уже трудно было найти людей, которые бы этот разгром помнили. Но во всех русских нервах ещё до боли живо было впечатление ужаса, произведённого этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными местными нашествиями та-тар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бо-дрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что ещё хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после неё. Мать пугала не-покойного ребёнка лихим татаринном; услы-шав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать, сами не зная куда. Внеш-няя случайная беда грозила превратиться во внутренний хронический недуг; панический ужас одного поколения мог развиться в на-родную робость, в черту национального ха-рактера, и в истории человечества могла бы

прибавиться лишняя тёмная страница, пове-ствующая о том, как нападение азиатского монгола повело к падению великого европей-ского народа.

Могла ли однако прибавиться такая стра-ница? Одним из отличительных признаков ве-ликого народа служит его способность под-ниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробыёт уроч-ный час, он соберёт свои растерянные нравст-венные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им вре-менно прямую историческую дорогу.

Русские люди, сражавшиеся и уцелевшие в бою на Сити, сошли в могилу со своими свер-стниками, безнадежно оглядываясь вокруг, не займётся ли где заря освобождения. За ни-ми последовали их дети, тревожно наблюдав-шие, как многочисленные русские князья хо-лопствовали перед татарами и дрались друг с другом. Но подросли внуки, сверстники Ивана Калиты, и стали присматриваться и прислу-шиваться к необычным делам в Русской зем-ле. В то время, как все русские окраины стра-дали от внешних врагов, маленькое средин-ное Московское княжество оставалось безо-пасным, и со всех краёв Русской земли потя-нулись туда бояре и простые люди. В то же

время московские князьки, братья Юрий и этот самый Иван Калита, без оглядки и раздумья, пуская против врагов все доступные средства, ставя в игру всё, что могли поставить, вступили в борьбу со старшими и сильнейшими князьями за первенство, за старшее Владимирское княжение, и при содействии самой Орды отбили его у соперников. Тогда же устроилось так, что и русский митрополит, живший во Владимире, стал жить в Москве, придав этому городку значение церковной столицы Русской земли. И как только случилось всё это, все почувствовали, что татарские опустошения прекратились и наступила давно не испытанная тишина в Русской земле. По смерти Калиты Русь долго вспоминала его княжение, когда ей впервые в сто лет рабства удалось вздохнуть свободно, и любила украшать память этого князя благодарной легендой.

Так к половине XIV в. подросло поколение, выросшее под впечатлением этой тишины, начавшее отвыкать от страха ордынского, от нервной дрожи отцов при мысли о татарине. Недаром представителю этого поколения, сыну великого князя Ивана Калиты, Симеону, современники дали прозвание Гордого. Это поколение и почувствовало ободрение, что скоро забрезжит свет. В это именно время, в начале сороковых годов XIV в., свершились три знаменательных события: из московского Богоявленского монастыря вызван был на церковно-административное поприще скрывавшийся там скромный 40-летний инок Алексий, тогда же один 20-летний искатель пустыни, будущий преподобный Сергий, в дремучем лесу — вот на этом самом месте — поставил маленькую деревянную келию с такой же церковью, а в Устюге у бедного соборного причётника родился сын, будущий просветитель Пермской земли св. Стефан. Ни одного из этих имён нельзя произнести, не вспомнив двух остальных. Эта присноблаженная троица ярким созвездием блещет в нашем XIV в., делая его зарёй политического и нравственного возрождения Русской земли. Тесная дружба и взаимное уважение соединяли их друг с другом. Митрополит Алексий навещал Сергия в его обители и советовался с ним, желал иметь его своим преемником. Припомним задушевный рассказ в житии преподобного Сергия о проезде св. Стефана Пермского мимо Сергиева монастыря, когда

Сергий
Радонежский
Икона. XVII в.

оба друга на расстоянии 10 с лишком вёрст обменялись братскими поклонами.

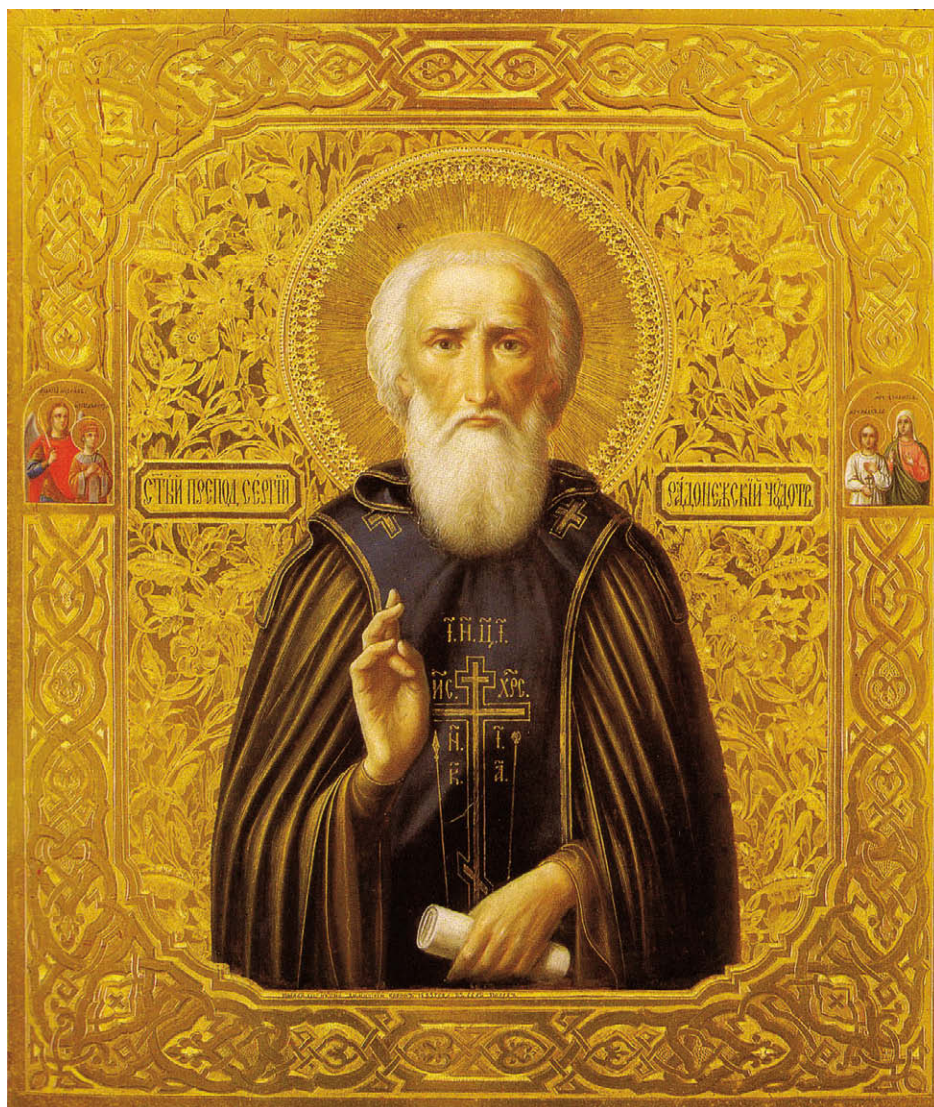
Все три св. мужа, подвизаясь каждый на своём поприще, делали одно общее дело, которое простиралось далеко за пределы церковной жизни и широко захватывало политическое положение всего народа. Это дело — укрепление Русского государства, над созиданием которого по-своему трудились московские князья XIV в. Это дело было исполнением завета, данного русской церковной иерархии величайшим святителем Древней Руси митрополитом Петром. Ещё в мрачное время татарского ига, когда ниоткуда не проступал луч надежды, он, по преданию, пророчески благословил бедный тогда городок Москву, как будущую церковную и государственную столицу Русской земли. Духовными силами трёх наших св. мужей XIV в., воспринявших этот завет святителя, Русская земля и пришла поработать над предвозвещённой судьбой этого города. Ни один из них не был коренным москвичом. Но в их лице сошлись

Святой
митрополит
Алексий
Икона.
Мастер
Давид Сирах.
1577 г.

для общего дела три основные части Русской земли: Алексей, сын черниговского боярина-переселенца, представлял старый киевский юг, Стефан — новый финско-русский север, а Сергей, сын ростовского боярина-переселенца, великорусскую средину. Они приложили к делу могущественные духовные силы. Это были образованнейшие русские люди своего века; о них древние жизнеописатели замечают, что один «всю грамоту добре умея», другой «всяко писание Ветхаго и Новаго Завета пройде», третий даже «книги греческия извыче добре». Потому ведь и удалось московским князьям так успешно собрать в своих руках материальные, политические силы русского народа, что им дружно содействовали добровольно соединявшиеся духовные его силы.

Но в общем деле каждый из трёх деятелей делал свою особую часть. Они не составляли общего плана действий, не распределяли между собой призваний и подвигов и не могли этого сделать, потому что были люди разных поколений. Они хотели работать над самими собой, делать дело собственного душевного спасения. Деятельность каждого текла своим особым руслом, но текла в одну сторону с двумя другими, направляемая таинственными историческими силами, в видимой работе которых верующий ум прозревает миродержавную десницу Провидения. Личный долг каждого своим путём вёл всех троих к одной общей цели. Происходя из родовитого боярства, искони привыкшего делить с князьями труды обороны и управления страны, митрополит Алексей шёл боевым политическим путём, был преемственно главным советником трёх великих князей московских, руководил их Боярской думой, ездил в Орду ублажать ханов, отмаливая их от злых замыслов против Руси, воинствовал с недругами Москвы всеми средствами своего сана, карал церковным отлучением русских князей, непослушных московскому государю, поддерживая его первенство, с неослабной энергией отстаивая значение Москвы, как единственного церковного средоточия всей политически разбитой Русской земли. Уроженец г. Устюга, в краю которого новгородская и ростовская колонизация, сливаясь и вовлекая в свой поток туземную чудь, создавала из неё новую Русь, св. Стефан пошёл с христианской проповедью в Пермскую землю продолжать это дело обрусения и просвещения заволжских инородцев. Так церковная иерархия благословила своим почином две народные цели, достижение которых послужило основанием самостоятельного политического существования нашего народа: это — сосредоточение

Преподобный
Сергий
Радонежский
Икона.
XIX в.

династически раздробленной государственной власти в московском княжеском доме и приобщение восточноевропейских и азиатских инородцев к русской Церкви и народности посредством христианской проповеди.

Но чтобы сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство и ввести инородцев в ограду христианской Церкви, для этого самому русскому обществу должно было встать в уровень столь высоких задач, приподнять и укрепить свои нравственные силы, приниженные вековым порабощением и унынием. Этому третьему делу, нравственному воспитанию народа, и посвятил свою жизнь преподобный Сергий. То была внутренняя миссия, долженствовавшая служить подготовкой и обеспечением успехов миссии внешней, начатой пермским просветителем; преподобный Сергий и вышел на своё дело значительно раньше св. Стефана. Разумеется, он мог применять к делу средства нравственной дисциплины, ему доступные и понятные тому веку, а в числе таких средств самым

сильным был живой пример, наглядное осуществление нравственного правила. Он начал с самого себя и продолжительным уединением, исполненным трудов и лишений среди дремучего леса, приготовился быть руководителем других пустынножителей. Жизнеописатель, сам живший в братстве, воспитанном Сергием, живыми чертами описывает, как оно воспитывалось, с какой постепенностью и любовью к человеку, с каким терпением и знанием души человеческой. Мы все читали и перечитывали эти страницы древнего жития, повествующие о том, как Сергий, начав править собиравшейся к нему братией, был для неё поваром, пекарем, мельником, дровоколом, портным, плотником, каким угодно трудником служил ей, как раб купленный, по выражению жития, ни на один час не складывал рук для отдыха, как потом, став настоятелем обители и продолжая ту же чёрную хозяйственную работу, он принимал искавших у него пострижения, не спускал глаз с каждого новика, возводя его со степени на

степень иноческого искуса, указывал дело всякому по силам, ночью дозором ходил мимо келий, лёгким стуком в дверь или окно напоминал празднословившим, что у монаха есть лучшие способы проводить досужее время, а поутру осторожными намёками, не обличая прямо, не заставляя краснеть, «тихой и кроткой речью» вызывал в них раскаяние без досады. Читая эти рассказы, видишь перед собою практическую школу благонравия, в которой сверх религиозно-иноческого воспитания главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Наставник вёл ежедневную дробную терпеливую работу над каждым отдельным братом, над отдельными особенностями каждого брата, приспособляя их к целям всего братства. По последующей самостоятельной деятельности учеников преподобного Сергия видно, что под его воспитательным руководством лица не обезличивались, личные свойства не стирались, каждый оставался сам собой и, становясь на своё место, входил в состав сложного и стройного целого, как в мозаической иконе различные по величине и цвету камешки укладываются под рукой мастера в гармоническое выразительное изображение. Наблюдение и любовь к людям дали умение тихо и кротко настраивать душу человека и извлекать из неё, как из хорошего инструмента, лучшие её чувства, — то умение, перед которым не устоял самый упрямый русский человек XIV века, кн. Олег Иванович Рязанский, когда по просьбе великого князя московского Дмитрия Ивановича, как рассказывает летописец, «старец чудный» отговорил «суровейшего» рязанца от войны с Москвой, умилив его тихими и кроткими речами и благоуветливыми глаголами.

Так воспиталось дружное братство, производившее, по современным свидетельствам, глубокое назидательное впечатление на мирян. Мир приходил к монастырю с пытливым взглядом, каким он привык смотреть на монашество, и если его не встречали здесь словами прииди и виждь, то потому, что такой зазыв был противен Сергиевой дисциплине. Мир смотрел на чин жизни в монастыре преподобного Сергия, и то, что он видел, быт и обстановка пустынного братства, поучали его самым простым правилам, которыми крепко людское христианское общежитие. В монастыре всё было бедно и скудно, или, как выразился разочарованно один мужичок, пришедший в обитель преподобного Сергия повидать прославленного величественного игумена, «всё худостно, всё нищетно, всё сиротинско»;

в самой ограде монастыря первобытный лес шумел над кельями и осенью обсыпал их кровли палыми листьями и иглами; вокруг церкви торчали свежие пни и валялись необрущенные стволы срубленных деревьев; в деревянной церковке за недостатком свеч пахло лучиной; в обиходе братии столько же недостатков, сколько заплат на сермяжной ряске игумена; чего ни хватись, всего нет, по выражению жизнеописателя; случалось, вся братия по целым дням сидела чуть не без куска хлеба. Но все дружны между собой и приветливы к пришельцам, во всём следы порядка и размышления, каждый делает своё дело, каждый работает с молитвой и все молятся после работы; во всех чуялся скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда, мысли и молитвы. Мир видел всё это и уходил ободренный и освежённый, подобно тому, как мутная волна, прибывая к прибрежной скале, отлагает от себя примесь, захваченную в неопрятном месте, и бежит далее светлой и прозрачной струёй. Надобно припомнить людей XIV века, их быт и обстановку, запас их умственных и нравственных средств, чтобы понять впечатление этого зрелища на набожных наблюдателей. Нам, страдающим избытком нравственных возбуждений и недостатком нравственной восприимчивости, трудно уже воспроизвести слагавшееся из этих наблюдений настроение нравственной сосредоточенности и общественного братства, какое разносили по своим углам из этой пустыни побывавшие в ней люди XIV в. Таких людей была капля в море православного русского населения. Но ведь и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нём живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически. На это указал сам Христос, сказав: «Царство Божие подобно закваске». Украдкой западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV в. От вековых бедствий этот человек так оскудел нравственно, что не мог не замечать в своей жизни недостатка этих первых основ христианского общежития, но ещё не настолько очерствел от этой скудости, чтобы не чувствовать потребности в них.

Пробуждение этой потребности и было началом нравственного, а потом и политического возрождения русского народа. Пятьдесят лет делал своё тихое дело преподобный Сергий в Радонежской пустыне; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утеше-

ние и ободрение и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими. Никто тогда не считал гостей пустычника и тех, кого они делали причастниками приносимой ими благодатной росы, — никто не думал считать этого, как человек, пробуждающийся с ощущением здоровья, не думает о своём пульсе. Но к концу жизни Сергия едва ли вырывался из какой-либо православной груди на Руси скорбный вздох, который бы не облегчался молитвенным призывом имени св. старца. Этими каплями нравственного влияния и выращены были два факта, которые легли среди других основ нашего государственного и общественного здания и которые оба связаны с именем преподобного Сергия. Один из этих факторов — великое событие, совершившееся при жизни Сергия, а другой — целый сложный и продолжительный исторический процесс, только начавшийся при его жизни.

Событие состояло в том, что народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработи-

телей и не только нашёл в себе мужество встать, но и пошёл искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями. Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды? Глаз исторического знания уже не в состоянии разглядеть хода этой подготовки великих борцов 1380 года; знаем только, что преподобный Сергий благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения, сказав: «Иди на безбожников смело, без колебания, и победишь», — и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего на глазах преподобного Сергия и вместе с князем Димитрием Донским бившегося на Куликовом поле.

Чувство нравственной бодрости, духовной крепости, которое преподобный Сергий вдохнул в русское общество, ещё живее и полнее воспринималось русским монашеством. В жизни русских монастырей со времени Сер-

Преподобный
Сергий
Радонежский
Художник
С.А. Кириллов.
1992 г.

